

Чтобы у всех был хороший фундамент, Лян Цзивэнь в это время не колеблясь использовал духовную воду, которую он копил все эти годы. На одну каплю уходило десять дней, и если вычесть порции, которые он давал семье, то за тридцать дней он мог накопить лишь одну каплю. Но в эти дни он использовал по три капли ежедневно — это тратило трёхмесячный запас за один день!

Но это было неизбежно. Дедушка Чжань и Чжань Цзюцзян были в неплохой форме, но семья Лян больше десяти лет питалась грубыми зерновыми и дикорастущими растениями, а посередине были ещё годы голода, так что нехватка различных микроэлементов была неизбежной, и даже слово «недоедание» было мягким сказом для их состояния.

В такие времена, если не был голодный год, можно было как-то перебиться и наесться, но в голодные годы еды действительно не было. Однако, даже так, дедушка Лян искренне благодарил Новый Китай. По крайней мере, теперь их не убивали японцы, не отбирали жён и детей, не уничтожали всю семью, и им не нужно было постоянно беспокоиться за свою жизнь. Земля отошла к ним, и они не боялись, что чем больше работают, тем меньше зарабатывают, а над головой стало меньше тех, кто их эксплуатирует.

— Лян Цзивэнь, скажи, наше письмо дошло? — Чжань Цзюцзян, которого растирали, клевал носом и вдруг спросил, когда уже почти уснул.

Рука Лян Цзивэня замерла на секунду, потом он крепче обнял Чжань Цзюцзяна, откинул волосы с его лба, поцеловал и, наклонившись к его уху, сказал:

— Не волнуйся, прошло всего несколько дней.

В эти дни, чтобы намеренно не создавать атмосферу тревоги, все молчаливо избегали любых тем, связанных с письмом. Все переживали, но вслух не говорили. Даже Лян Цзю, будучи разумным, никогда не спрашивал.

— Если этот способ не работает, у нас есть и другие варианты, — успокоил его Лян Цзивэнь.

— ... — Чжань Цзюцзян долго молчал, и если бы не его дыхание, Лян Цзивэнь подумал бы, что он уснул. Спустя некоторое время Чжань Цзюцзян сказал:

— Мы с дедушкой на самом деле были изгнаны.

Он тихо продолжил:

— Все говорили, что дедушка был крупным помещиком и капиталистическим элементом, но я знал, что это не так.

Лян Цзивэнь больше ничего не сказал, просто обнял Чжань Цзюцзяна и тихо слушал.

— Дедушка пожертвовал всё имущество третьего дядюшки, но они сказали, что он сделал это лишь для того, чтобы искупить вину. Дедушка говорил, что мой седьмой дядюшка был героем, мой дядя и отец тоже были героями, но все говорили, что они делали это ради денег и власти, и вовсе не были героями.

Он уткнулся головой в грудь Лян Цзивэня, глубоко вздохнул и сказал:

— Много людей ворвались в наш дом, с топорами, что видели — били, что видели — ломали, что попадалось под руки — пихали себе за пазуху. Нас с дедушкой связали и вывели, потащили

к нашей сокровищнице, но они не могли открыть дверь, поэтому начали бить нас.

Лян Цзивэнь почувствовал, что его грудь намочила. Он слушал, как Чжань Цзюцзян, стараясь сдерживать плач, с болью в голосе рассказывал:

— Дедушка открыл им сокровищницу, и после того, как вещи были разграблены, они снова пришли требовать, чтобы он показал другие места, где спрятаны ценности.

Лян Цзивэнь не знал, как его утешить, поэтому просто молча обнимал его, подбородком опираясь ему на голову, чувствуя исходящее от Чжань Цзюцзяна тепло. В душе ему было и больно, и горько, и он готов был тут же перенестись туда и повалить всех этих людей.

Чжань Цзюцзян шмыгнув носом, потерся о него и сказал:

— Но мой дедушка крутой, он придумал, как вытащить нас оттуда, и когда привёз меня сюда, он обманул много народу.

Он вытащил голову из объятий Лян Цзивэня, нос был красным, глаза тоже красные. Он натянул улыбку и с хвастливым тоном сказал:

— Я тоже крутой, я ни разу не плакал.

Лян Цзивэнь посмотрел на него немного, потом с нежностью поцеловал его слегка влажный лоб.

— Я уже большой ребёнок! — пробормотал Чжань Цзюцзян, но всё же очень довольный снова зарылся всем телом в объятия Лян Цзивэня.

Чжань Цзюцзян, проплакавшись, и его уставшее тело не смогло долго сопротивляться сну, так что вскоре он уснул.

Лян Цзивэнь, держа его на руках, нажал на точку сна, чтобы тот спал спокойнее, а сам провёл всю ночь без сна, просто так лежа с открытыми глазами до самого утра.

Чжань Цзюцзян был сильным и рано повзрослевшим ребёнком. Он мог молча терпеть разрушение семьи, в тишине спустившись с небес на землю. Он мог бы прожить всю жизнь, не зная забот, но в итоге волновался о пропитании. У него могла бы быть обычная семья, но в конце концов ему пришлось покинуть родной край, чтобы спасти жизнь.

Возможно, судьба семьи Лян в итоге будет такой же, как у семьи Чжань — дом разрушен, люди умерли, а может быть, и хуже. Чжань Цзюцзян боялся, но не того, что снова пережит конфискацию имущества, а того, что после хаоса тёплая гавань будет снова разрушена. Ведь ему было всего десять лет. Дедушка Чжань мог под тяжестью бесчисленных невзгод спрятать всё горе под обыденность жизни, но Чжань Цзюцзян ещё не достиг этого уровня.

На следующее утро Чжань Цзюцзян по привычке хотел поваляться в постели. Лян Цзихэн и Лян Цзию уже встали, а он завернулся в одеяло, как тутовый шелкопряд, и бормотал, умоляя Лян Цзивэня дать ему поспать ещё одну минуту. Лян Цзивэнь не совсем понял, что он бормочет себе под нос, одной рукой потянул одеяло, рванул и встряхнул — Чжань Цзюцзян мог только свернуться клубком в толстой хлопковой одежде, как маленькая улитка без раковины.

Лян Цзивэнь беспомощно взвалил маленькую улитку на плечо, решив, что больше никогда не поверит ему на слово насчёт «одной минуты» — он только-то пошёл будить Лян Цзихэна, а

Чжань Цзюцзян уже завернулся в кокон.

Лян Цзивэнь уже унёс Чжань Цзюцзяна, а там Лян Цзихэн уже наполовину свисал с края кана.

— ... — Лян Цзивэнь не стал делать половину дела, одной рукой нёс двух больших сокровищ, а на шее висело маленькое сокровище, и с невозмутимым лицом вынес людей во двор продувать холодным ветром.

— !!! — Трое детей выразили своё мнение — ты слишком холодный и бессердечный!

— Э-э... — Цюй Хэ издал звук, подавленный в горле, этот едва слышный шум сразу же разбудил спящую рядом мать Цюй Хэ. Цюй Хэ был в коме уже пять дней. Семья Цюй возила его во многие места, но так ничего и не выяснили, врачи говорили, что он здоров и никаких проблем нет. В прошлый раз с Цюй Хэ было то же самое, после нескольких обследований врачи в больнице уже смотрели на них другими глазами.

Бабушка Цюй Хэ всё ещё думала, что они на территории своей деревни, и начала намёками говорить очень гадкие вещи, из-за чего их сразу же выставили вон. Повезли Цюй Хэ в больницу соседнего уезда, результат был тем же. Семья Цюй видела, что Цюй Хэ просто в коме и иногда дёргается, кроме того ничего не происходит, они только махнули рукой, привезли Цюй Хэ домой, позвали живущего по соседству старого врача выписать пару рецептов для восполнения ци, а потом кинули Цюй Хэ mother и больше не интересовались.

У матери Цюй Хэ глаза были покрыты кровью, лицо было бледным. Она сухими пальцами коснулась лба Цюй Хэ, перевернулась и взяла чашку, прижав край к губам Цюй Хэ, и начала медленно наклонять. В этот момент она была измождена, волосы растрепаны, и совершенно нельзя было увидеть её обычной надменной манеры по отношению к соседям. В сердце она таила злость, но больше всего переживала за сына. Хотя Цюй Хэ был наглым хулиганом, но в году бывало день или два, когда он на любую её просьбу отзывался, а иногда даже помогал подбрасывать дрова, когда она готовила.

Мать Цюй Хэ грубыми пальцами нежно провела по лицу сына, и в глазах сквозь слёзы проступила боль и беспокойство. Семья Цюй относилась к Цюй Хэ хорошо, потому что он был их сыном, продолжением рода. Цуй Дапао относился к Цюй Хэ хорошо, потому что у него не было сына. Говоря в общем, если бы Цюй Хэ не был сыном, у них не было бы к нему никаких чувств, но мать Цюй Хэ была другой.

Положение матери Цюй Хэ в этой семье было самым низким, кто угодно мог её побить или отругать. В душе она была унижена и беспомощна, поэтому после освобождения, когда у семьи появилась власть, она старательно выплёскивала злость, которую семья Цюй вымещала на ней, на других людях. Семья Цюй не вмешивалась, потому что когда невестка показывала свою власть на улице, они чувствовали, что их семья сильна. После долгой бедности они увлеклись тем, что жили за счёт унижения других.

Цюй Хэ чувствовал, что находится внутри вулкана, кипящая лава раз за разом поглощала его. Когда горячая лава разбрызгивалась на него, это место мгновенно сгорало, становилось серым, а пепел становился частью лавы. Когда он звал на помощь, он случайно вдохнул глоток лавы. Горячая лава потекла по его пищеводу внутрь тела, и звуки шипения его внутренних органов непрерывно эхом раздавались у него в ушах.